

Валерий Корнилов

Купе

Валерий Корнилов

Купе

<https://litres.ru/74336814>

SelfPub; 2026

Аннотация

Трое попутчиков в поезде. Физик, ставший епископом. Системотехник, чья картавая речь и холодный сарказм заставляют вспомнить одного из самых загадочных персонажей русской литературы. Инженер, ищущий Бога в коде Вселенной. И любящая женщина, задающая самый серьёзный вопрос: «Ты узнаешь меня там, за гранью?»

Душа — код на «железе» тела? Личность — производная души по времени? Или ипостась — печать Божия, которую нельзя скопировать?

Их разговор длится несколько часов в купе. Но за это время они успевают пересобрать мироздание, заглянуть в природу любви и смерти и почти коснуться главной тайны: зачем мы нужны Богу?

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было кодом».

Философская притча на стыке православия, физики и информатики. Для тех, кто помнит «Мастера и Маргариту» и готов увидеть реинкарнацию одного из её героев в вагоне РЖД —

в 2026 году. Для тех, кто не боится думать. Для тех, кто верит — или хочет верить — что любовь сильнее любого алгоритма.

Содержание

Глава 1. От автора	5
Глава 2. Грани и границы	6
Глава 3. Производная кода	12
Глава 4. Со слезами на глазах	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Валерий Корнилов

Купе

Глава 1. От автора

Некоторые имена в рассказе изменены, любые совпадения с реальными людьми и их жизнеописаниями случайны. Диалоги Владыки написаны мною и не отражают официальную позицию Русской Православной Церкви по данному вопросу. Автор близко знаком с РПЦ и некоторыми её служителями и надеется, что достаточно точно передал пастырскую заботу епископа и святоотеческий подход к диалогу. Но, несмотря на свою дерзость, я не решился вкладывать слова, являющиеся моим видением, в уста реального и уважаемого мною Владыки, у которого за возможные неточности в передаче святоотеческого подхода прошу снисхождения.

Глава 2. Грани и границы

Перестук колес — этот гипнотический, убаюкивающий ритм дороги — был единственным звуком, который не замечали в купе. Зато невозможно было не замечать другого: из-за тонкой перегородки, из соседнего купе, гулко и навязчиво бухала иностранная музыка — ритмичная, электронная, с воющим женским вокалом, который то взлетал до визга, то падал в ритмичный речитатив.

За окном проплывал августовский день средней полосы: темная зелень перелесков, охряные пятна полей, пунктирные строчки ЛЭП. Поезд шёл мягко, погружая пассажиров в дорожную задумчивость.

Валерий сидел у окна по ходу движения и разглядывал чуть прыгающую границу света и тени на столике. Рядом с ним, ближе к проходу, сидела Александра. В свои пятьдесят один она сохранила ту строгую, иконописную красоту, которая ощущается не как физическая данность, а как внутренний свет. Её прямая, напряжённая спина выдавала скрытое беспокойство: зная Валерия и быстро оценив попутчиков, она ждала от мужа какого-нибудь каверзного вопроса, способного нарушить хрупкий мир дорожного молчания.

В своей простой черной футболке и джинсах Валерий не вписывался в эту компанию ни по одежде, ни по манере. Темные волосы, стянутые резинкой, чуть растрепались.

Напротив Валерия сидел епископ Киприан. Свет из окна падал на его седую бороду и простую металлическую оправу очков, лежащих на столе поверх толстой книги в потертом переплете. Глаза его были полуприкрыты, но не от дремы — епископ, казалось, пребывал в состоянии тихой, углубленной молитвы, которую не нарушал ни мерный стук колес, ни чужая музыка. Сложенные на нагрудном кресте руки были совершенно неподвижны.

Рядом с Владыкой, ближе к проходу — напротив Александры — сидел Игорь Игоревич, судя по бейджу на рюкзаке — участник конференции «VR-тектоник-2026». Безупречная линия его серого костюма-тройки казалась вызовом самой идее железнодорожного уюта. Закрытый ноутбук лежал у него на коленях, и длинные бледные пальцы покоились на его крышке с той отрешенной нежностью, с какой держат спящего зверька — дорогого, породистого и способного уку-сать, если разбудить не вовремя. Игорь Игоревич не смотрел ни на кого из спутников; его взгляд, острый и оценивающий, был устремлен в одну точку на двери купе. Он хранил молчание, не выражая ни скуки, ни интереса. Его неподвижность была почти пугающей, как у механизма, переведенно-

го в режим ожидания.

В паузу, заполненную лишь стуком колес и воем зарубежного хита за перегородкой, Валерий произнёс, негромко, глуховато, с той самой легкой запинкой, которая делала его речь весомой.

— Вот скажите... — он замолчал, подыскивая образ, и сцепил руки в замок. — Где граница?

Александра чуть вздрогнула и повернулась к мужу. Владыка медленно открыл глаза. Игорь Игоревич перевел взгляд на Валерия, но не произнес ни слова.

— Граница между мерным стуком колёс... — Валерий кивнул в сторону окна, за которым ритмично отбивали такт колесные пары, — ...который не тише музыки за перегородкой, но его не замечаешь... — он снова кивнул, теперь в сторону глухой стенки купе, откуда доносился ритмичный рецитатив, — ...и музыкой, которая не музыка Вселенной. А ведь энтропия Вселенной может только увеличиваться.

Александра медленно выдохнула и, не поворачивая головы к мужу, тихо, но внятно произнесла, обращаясь скорее к епископу, чем к Валерию:

— Господи, помилуй. Может, не надо?

Валерий чуть улыбнулся в свои седые усы — улыбка вышла мягкой, почти извиняющейся.

— Уже надо, Саш. Слово не воробей.

Игорь Игоревич, напротив, впервые за всю поездку проявил признаки жизни. Его пальцы, лежавшие на крышке ноутбука, чуть дрогнули. Он слегка наклонил голову и картаво, тщательно артикулируя, переспросил:

— Прошу прощения... Вы сказали — энтропия Вселенной? Позвольте полюбопытствовать: вы связываете второй закон термодинамики с... музыкой? Или это поэтическая метафора?

Валерий повернулся к вопрошавшему — ему пришлось чуть податься вперед, чтобы увидеть его из-за Александры, — и в его глазах мелькнула благодарность. Он бросил заправку и, кажется, нашел того, кто готов был ее поднять. Но ответить он не успел.

Отец Киприан, не поворачивая головы от окна, вдруг произнес негромко, но отчетливо:

— Абрикосовая.

Все трое невольно посмотрели на него. Епископ чуть повернул голову, и лучики морщин собрались вокруг его глаз — та самая редкая улыбка, которая делала его строгий лик вдруг очень домашним.

— Вода. В графине. «Абрикосовая», — пояснил он, кивнув на столик. — Эти поезда всегда славились ею раньше. — Он помолчал и добавил, глядя прямо на Валерия: — Ты говоришь об энтропии, об увеличении беспорядка как фундаментальном законе. Но если вселенная — замкнутая система, идущая к тепловой смерти, то откуда в ней взялась та самая «музыка сфер», о которой ты тоскуешь? Или, может быть, Вселенная не замкнута?

Это был не вопрос. Это был вызов. Мягкий, почти отеческий, но безошибочно точный.

Игорь Игоревич чуть прищурился, глядя на епископа с новым выражением — не то оценивающим, не то узнающим. Ему показалось, или он уже где-то слышал эту интонацию? Ту самую, с какой его покойный дед-богослов говаривал: «Ты, Игорек, систему-то построй, но форточку для благодати не забудь оставить».

— Вы полагаете, — медленно произнес внук богослова, обращаясь к епископу, — что второй закон термодинамики есть доказательство незамкнутости системы? Что наша вселенная — открытая программа, получающая данные извне?

Владыка не ответил. Он перевел взгляд на Валерия, давая понять, что ждет ответа именно от него. Валерий же смотрел на графин с водой так, словно впервые увидел его — и увидел в нем не просто воду, а нечто иное. Образ. Ключ.

Глава 3. Производная кода

Валерий подался вперед. Солнечный свет — на мгновение высветил его лицо: высокий лоб, прищуренный взгляд, сжатые губы под седыми усами — единственное, что выдавало его возраст; он был на год старше Владыки. Он понял, что попал в свою стезю, и решил подбросить дровишек, пока пламя не погасло.

— Если наша вселенная — открытая программа, получающая данные извне, как вы говорите... — он кивнул Игорю Игоревичу, и в этом кивке читалась благодарность за точную формулировку, — ...то давайте уточним понятия. Потому что в этом мире из-за путаницы в понятиях порой случаются войны.

Он обвел взглядом купе. Александра сидела, выпрямив спину, и смотрела на мужа с тем особым выражением, какое бывает у матери, наблюдающей за ребенком, забравшимся на высокое дерево: и гордость за смелость, и страх, что ветка подломится. Игорь Игоревич чуть наклонил голову — его пальцы, лежавшие на крышке ноутбука, едва заметно постукивали в ритме, выдавая работу мысли. Епископ оставался неподвижен, но глаза его, голубые и ясные, смотрели на Валерию с почти врачебным вниманием.

— Вселенная — программа? — продолжил Валерий и сам себе ответил, чуть качнув головой: — И да и нет. Она скорее программная оболочка. Операционная система. Хотя операционная система — тоже программа, тут вы правы. — Он снова кивнул Игорю. — Но понятие «программа» ... оно лучше ложится на другое тождество. На душу.

Он замолчал, подыскивая образ. Его руки, до того лежавшие на столике, поднялись в воздух — редкий для него жест.

— Душа — это некий код. Достаточно стандартный. Как ядро программы, которое не меняется от экземпляра к экземпляру. Этот код загружен в «железо» — в тело. И вот что интересно: «железо» куда более разнообразно, чем душа. Тела разные, а души... души в своей сути схожи.

Он перевел дыхание и посмотрел прямо на отца Киприана.

— Но есть нюанс. Есть ещё личность. И личность — это...

Владыка Киприан чуть улыбнулся. Лучики морщин собрались вокруг его глаз, и он произнес негромко, почти ласково, но с той самой интонацией, какой ставят диагноз, давно известный врачу:

— Производная души по времени.

Валерий замер. Его пальцы, висевшие в воздухе, дрогнули. Он медленно опустил руки на столик и несколько секунд просто смотрел на епископа.

— Неужели вы помните? — упоминание о той давней встрече, казалось, на мгновение выбило Валерия из роли апологета своей теории.

Голос Владыки, глубокий и спокойный, влился в ритм поезда, не нарушая его, а дополняя.

— Валерий, я помню, как тринадцать лет назад на лекции моего брата, Макария, «Роль личности в истории», ты задал ему этот вопрос, — негромко сказал он. — Ты спросил: «Личность — это производная души по времени? И бессмертна ли личность, как и душа?». Я, как и брат, по образованию физик, и должен признать: образ был неожиданно точен и красив. Математическая аналогия в богословском вопросе — такое не часто услышишь. Именно поэтому я его и запомнил.

— Такие вопросы не забываются, — кивнул епископ. — И вот теперь, тринадцать лет спустя, ты пытаешься найти от-

вет, конструируя Бога по образу и подобию совершенной вычислительной системы. Ты ищешь интерфейс между душой и... процессором?

Валерий выдержал паузу, собираясь с мыслями. Затем он перевел взгляд с епископа на системотехника, словно приглашая его в арбитры, и произнес фразу, которая окончательно взломала лед вежливых условностей:

— Я пытаюсь понять, на каком языке Бог написал нашу реальность. И где в коде этого мира место для того, что моя супруга называет «волей Божьей», а я — «алгоритмом Любви».

Александра выдохнула и, глядя прямо перед собой, произнесла, словно про себя:

— Господи, помилуй. Любовь — это не алгоритм, а Лицо.

Пути назад не было. Разговор, балансируя на стыке веры, физики и информатики, ринулся в неизведанное. За окном мелькали леса, поезд неся к станции назначения, а пассажиры в купе принялись за выстраивание «Теории подобия».

Игорь Игоревич чуть подался вперед. Его ноутбук на его коленях пискнул — уведомление о разряде батареи. Хозяин,

не глядя, нажал кнопку и произнес:

— Позвольте уточнить архитектуру. Вы, Валерий, предлагаете модель: тело — «железо», душа — «код», личность — «производная души по времени», которая характеризует интенсивность души и проявляется углом наклона к ... траектории личности. — Он говорил медленно, тщательно артикулируя, словно отлаживал программный код, его правая кисть, сжатая в кулак, поднялась к плечу. — Но если личность — это потенция, потенциал, простите, Александра, то при завершении процесса... извините за прямоту, при смерти... код души можно не возвращать в хранилище, экономия ресурсов, однако. Достаточно сохранить "производную души по времени" и зная эту характеристику, можно перезапустить с ней программный код на новом «железе». Это классическая реинкарнация. Я верно интерпретирую?

Валерий хотел ответить, но Игорь Игоревич поднял палец, останавливая его:

— И тут возникает системное противоречие. Если личность уникальна и зависит от конкретного «железа» — нейронов, гормонов, памяти тела, — то при перезапуске стандартного кода программы, с учётом потенциала личности на другом «железе» мы получим другую личность. Процесс будет иным. Следовательно, либо ваша модель ведет к ре-

инкарнации без сохранения личности, либо для сохранения личности вы придёте к Воскресению, требующему точного восстановления исходного «железа», с огромными затратами ресурсов системы. Что из этого ближе к вашему видению, Валерий?

Владыка чуть заметно кивнул — не то Игорю, не то собственным мыслям. Его глаза, живые и внимательные, остановились на Валерии. Он ждал.

Глава 4. Со слезами на глазах

Но вмешалась женщина. Сначала Александра долго смотрела на свои руки, сложенные на коленях — руки воспитательницы, привыкшие и перевязывать детские ссадины, и осенять ребёнка крестным знаменем перед сном, мыть полы и готовить еду. Потом подняла глаза на мужа, и в ее взгляде читалось то, чего Валерий не видел уже давно — не спор, не упрек, а страх. Чистый, незамутненный, почти детский страх.

— Валера... — начала она, и голос ее, обычно мягкий, сейчас дрогнул, как натянутая струна. — Ты умеешь из двух выбирать третье. Я знаю. Ты всегда так делал. Когда все говорили «или-или», ты находил «и». В том числе и за это я тебя и полюбила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.